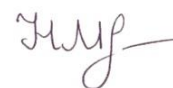

На правах рукописи

Николаиди Мария Александровна

**Модель адаптации инокультурного текста
в русскоязычной среде**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина» на кафедре общего и русского языкознания

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ионова Светлана Валентиновна

Официальные оппоненты:

Первухина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», кафедра «Мировые языки и культуры», профессор.

Казаченко Оксана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», кафедра зарубежной филологии, доцент.

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород).

Защита состоится «15» декабря 2022 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.292.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», по адресу: 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» и на официальном сайте: <https://www.pushkin.institute/>

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»: https://www.pushkin.institute/science/dissovet/detail.php?ELEMENT_ID=32354

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Элла Анатольевна Китанина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В центре внимания данной работы находится проблема межкультурных трансферов в сфере текстов и их закрепления в иной лингвокультурной среде.

Исследование культурных трансферов в современной науке рассматривается в качестве исследовательского подхода (Н.А. Азарова, М. Вернер, В.З. Демьянков, И. Эвен-Зохар, И.В. Зыкова, М.Л. Ковшова, И.В. Силантьев, С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина, Э. Пим, Т.Я. Янко, В.В. Фещенко, М. Эспань и др.), в рамках которого изучаются не только сами «культурные элементы», заимствованные в процессе межкультурной коммуникации, но и «их встраивание в новую культурную систему с учётом возможной трансформации в процессе реализации трансфера» [Лобачёва, 2010, с. 25].

Актуальность работы связана со следующим: 1) с необходимостью изучения иноязычных заимствований не только в сфере языковых единиц, но и в сфере текстов культуры, поскольку «трансфер текстов – это естественное явление, но в результате многообразия вариантов текстов не все из них остаются в пространстве культуры» [Демьянков, 2017]; 2) с важностью исследования текстов культуры, которые являются отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в других [Симбирцева, 2016]; 3) с недостаточной изученностью факторов, влияющих на сохранение текстов культуры, их прецедентность для читателей; 4) потребностью исследовательской практики в выявлении моделей адаптации текстов, которая приводит к закреплению текста в новой культуре.

Объектом рассмотрения в данном исследовании являются литературные тексты Эзопа в письменной реализации Бабрия и Федра и совокупность их литературных вариантов в некоторых европейских художественных культурах и русской лингвокультуре.

Литературно-художественные тексты являются специфическим способом осуществления межкультурных обменов, которые представляют собой продукты многокомпонентной, художественно осложненной, эстетически обусловленной коммуникации. Тексты Эзопа и их вторичные варианты в диссертации рассматриваются как основа для появления русскоязычных басен и признанного воплощения этого жанра литературы в произведениях И.А. Крылова как прецедентных текстах русской культуры.

Предмет исследования — виды преобразований формы и содержания текстов Эзопа в их вторичных текстовых вариантах как способов адаптации текстов в русскоязычной среде.

Под адаптацией текстов в работе понимается переложение текстов источника для читателей, которые по каким-то причинам его не могут понять [Первухина, 2014]. Такое переложение подразумевает глубинную трансформацию текстовых произведений в принимающей культуре, поэтому при исследовании его объектов необходимо изучение всех видов текстовых преобразований и вкраплений как «культурных следов» инокультурного текста в русскоязычной среде, материальных текстовых свидетельств произошедших культурных изменений.

Цель исследования заключается в описании лингвистических механизмов освоения инокультурных басенных текстов и выявлении моделей их адаптации в русскоязычной среде. Поставленная цель реализуется в следующих задачах:

- рассмотрение культурного трансфера как методологического подхода к изучению заимствованных текстов;
- изучении истории создания и функционирования различных вариантов текстов Эзопа в западноевропейской и русской культурах;
- выявление видов преобразований формы и содержания текстов Эзопа в различных вариантах их лингвокультурных репрезентаций;
- типологизация лингвистических преобразований инокультурных басенных текстов при их адаптации в русскоязычной среде;
- выявление разновидностей моделей адаптации и интерпретации басенных текстов в инокультурной среде на основе описания совокупностей шагов адаптации;
- описание моделей эффективной и неэффективной адаптации басенного текста в инокультурной среде, установление лингвистической специфики басенных текстов И.А. Крыловым как наиболее успешного басенного проекта в русской лингвокультуре.

Материалом исследования послужили первые письменные тексты басен Эзопа в переводе на латинский язык Федра (пер. на русский язык М.А. Гаспарова и Н.И. Шатерникова) и на греческий язык Бабрия (в переводе М.А. Гаспарова), признанные первоисточниками для изучения оригинальных басен Эзопа; басни Эзопа в переводе с древнегреческого на русский язык М.А. Гаспарова (с элементами нашего дословного перевода – М.Н.); а также художественные адаптации: западноевропейские басни Лафонтена (в существующих художественных переводе и нашем словарном переводе – М.Н.); русскоязычные тексты И.А. Крылова, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, Л.Н. Толстого, В.А. Алексеева, И.И. Хемницера, В.А. Озерова, Ю.А. Нелединского-Мелецкого. Общий объем проанализированного материала – 91 текст. Единица анализа – семиотические средства, фиксирующие преобразования и заимствования при порождении вторичного текста, количество единиц – 950.

Научная новизна работы состоит в следующем: обоснован и конкретизирован лингвистический подход к исследованию басенных текстов в парадигме лингвокультурного трансфера как обмена культурными элементами и их встраивания в новую культурную систему; выявлен комплекс лингвистических характеристик (языковая реализация, концептуальное содержание, жанровая форма), определяющих специфику описания механизмов лингвокультурной адаптации инокультурных текстов в русскоязычной среде; установлен способ описания механизма лингвокультурной адаптации текстов на основе типов их преобразования; введено понятия шага адаптации как элемента модели лингвокультурной адаптации текста; установлены лингвистические признаки успешной и неуспешной адаптации инокультурного текста в русскоязычной среде.

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в области лингвистического и междисциплинарного знания, а именно: в общее языкознание (на новом материале конкретизированы вопросы соотношения языка, текста и культуры), лингвокультурологию и теорию межкультурной коммуникации (разработан подход к выявлению моделей межкультурного трансфера и адаптации текстов, уточнены аспекты описания текстового пространства русской культуры); в теорию текста (апробирован комплексный подход исследования вторичных текстов разных эпох и культур на основе их межкодовых преобразований, концептуальной интерпретации, жанровой трансформации).

Практическая значимость исследования заключается в том, что общие теоретические подходы, материал и результаты работы могут быть использованы в преподавании теоретических и практических курсов лингвокультурологии, сравнительного языкознания, теории текста, переводоведения; использоваться в преподавании русского языка как родного и как иностранного, а также в практике межкультурной коммуникации.

Методология. В качестве основных методологических положений в работе исследуются следующие положения, доказанные в науке:

1) о тексте как единице национальной и исторической культуры, знаковой сущности, образующей целостное высказывание субъекта о культуре, предающей и сохраняющей культурно значимую информацию (А.Н. Артёмова, М.М. Бахтин, Е.М. Верещагин; М.А. Гаспаров, В. фон Гумбольдт, Ю.А. Карасева, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, В.А. Лукин, М.Н. Макеева, И.Ю. Марковина, А.А. Потебня, Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Сороки, Н.А. Симбирцева и др.);

2) о прецедентных текстах культуры, к которым относятся речевые произведения, являющиеся значимыми в познавательном и эмоциональном

отношении, имеющие сверхличностный характер, хорошо знакомые большинству представителей данной культуры, в том числе предшественникам и современникам воспринимающей личности (Д.Б. Багаева, Д.В. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Ю.А. Сорокин, Г.Г. Слышкин и др.);

3) о неизбежности межкультурной трансляции знаний и ценностей, лингвокультурном трансфере как особом подходе лингвокультурологического исследования (В.В. Воробьев, В.З. Демьянков, В.Н. Денисенко, С.Ю. Бочавер, О.В. Казаченко, В.И. Карасик, М.И. Киосе, Д.В. Лобачёва, В.Я. Пархомовский, В.И. Постовалова, С.Г. Проскурин, И.С. Рябова, Н.А. Фененко, В.В. Фещенко, М. Эспань, W. Moser, и др.);

4) о способах интерпретации, адаптации и других видах вторичной переработки текстов, в том числе в системе заимствующих культур (В.З. Демьянков, Е.П. Грасс, О.К. Ирисханова, С.В. Ионова, А.А. Дьякова, В.Н. Карпухина, О.В. Новицкая, С.В. Первухина, М.А. Тарасова, Н.А. Фененко, Л.Л. Шестакова и др.): «С помощью разработки методики, связывающей концептуальные категории, языковые категории, параметры и их показания, мы можем приблизиться к тому, чтобы делать попытки измерить интерпретацию как более или менее удачную» [Киосе, 2018, с. 312].

5) о специфике мирового литературно-художественного наследия и феномене басни как трансляторе культурной информации (Н.Г. Арепьева, В.Г. Белинский, Л.Ю. Виндт, М.Л. Гаспаров, В.А. Жуковский, С.С. Микова, В.П. Степанов, Н.Л. Степанов, С.Н. Травников и др.).

Методы исследования. При проведении исследования использовались общенаучные методы: научная рефлексия, наблюдение, обобщение и систематизация информации, формирование умозаключений. Лингвистические методы, применяемые в работе: описание материала, сопоставление текстов, анализ их концептуального содержания, структурный анализ текстов, стилистический, семантический, синтаксический, контекстуальный анализ языковых единиц.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе лингвокультурного трансфера культурные элементы (тексты) не только заимствуются, но и одновременно встраиваются в новую культурную систему, что можно охарактеризовать как культурную адаптацию, которая устанавливается на основе определения эксплицитно выраженных преобразований исходных текстов в содержательном, формальном или функциональном планах.

2. В результате межкультурных трансферов басен Эзопа они претерпели следующие преобразования: а) внутрикультурные: перевод с древнегреческого на новогреческий; жанровые преобразования формы изложения; б)

межкультурные: перевод с древнегреческого на латинский, романские и германские языки, русский языки; перевод с французского на русский язык; концептуальное преобразование образов и сюжетов в тематическом и аксиологическом планах; концептуальный возврат образов или сюжетов в тематическом и аксиологическом планах; жанровое преобразование формы изложения (прозаическая – стихотворная); жанрово-стилевые преобразования; жанрово-композиционные преобразования.

3. Акты лингвистического соотнесения исходного текста и варианта его текстовой интерпретации можно рассматривать в качестве шагов межкультурной адаптации текстов, а сочетание всей их совокупности - как модель межкультурной адаптации текстов, происходящей в результате межкультурных трансферов.

4. Существующие модели межкультурной адаптации текстов Эзопа, происходящей в результате межкультурных трансферов, можно оценивать как эффективные и неэффективные с точки зрения адаптации инокультурного текста к условиям русской лингвокультуры.

5. Тексты басен И.А. Крылова представляют собой пример наиболее удачной адаптации басенного наследия к условиям русской культуре, в которой были учтены все виды межкультурной адаптации (межкодовых преобразований, концептуальной интерпретации, жанровой трансформации), соответствующие целям понимания, ценностного освоения и популяризации басни в русскоязычной среде.

Степень достоверности теоретических и практических результатов исследования подтверждаются исходными методологическими позициями; исследовательской и теоретической базой, учитывающей работы отечественных и зарубежных учёных; использованием терминологического аппарата и научных методов, соответствующих целям, задачам и предмету исследования; большим объёмом исследуемого языкового материала, комплексным подходом к исследованию текстовых преобразований разных типов как шагов адаптации текстов в русскоязычной среде.

Апробация. Основные результаты и выводы исследования обсуждались на следующих научных конференциях: VII Межрегиональная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Русская филология в системе общего образования» (Москва, 2019); V Международная научно-практическая конференция «Славянские этносы, языки и культуры в современном мире» (Башкортостан – Болгария, 2019); Международная научная конференция, посвящённая 90-летию юбилею В.Г. Костомарова «Горизонты современной русистики» (Москва, 2020); Международный форум молодых русистов «Terra Rusistica» (Псков, 2020); Международная научная конференция

«Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (Москва, 2020); Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции взаимодействия» (Москва, 2020); XIV Международная научно-практическая интернет-конференция «Современные вызовы и актуальные проблемы науки, образования и производства: межотраслевой диспут» (Киев, 2021); XXI Международная научно—практическая конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2021), V Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры» (Москва, 2021); Международная научная конференция «Гуманитарные технологии в современном мире» памяти О.Я. Гойхмана (Калининград, 2021), XII Международная научная конференция «Русский язык в зеркале перевода» (Москва, 2022), X Международная научная конференция «Гуманитарные технологии в современном мире» (Светлогорск, 2022).

Основные положения и результаты исследования изложены в 12 публикациях общим объёмом 6,1 п.л., 4 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы. Общий объем диссертации 179 страниц, список литературы составляет 208 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются объект, предмет, методы, цели и задачи работы, характеризуется научная новизна, описывается методология и освещается степень научной разработанности проблемы.

Глава 1 «Текст культуры как объект межкультурных трансферов» состоит из 8 параграфов и содержит теоретическое обоснование работы. В ней даётся краткая характеристика басни как литературного жанра, прослеживается путь заимствований эзоповых басен в мировую культуру, систематизируются подходы к изучению истории русской басни в культурологии, философии, литературоведении.

Проблема культурных трансферов в лингвистике. В разделах 1 – 5 рассматриваются проблемы соотношения языка и культуры в лингвистике, даётся определение понятия трансфера культур, анализируются такие основные средства межкультурного трансфера как адаптация и интерпретация, определяется специфика литературных взаимодействий в сфере культурного трансфера.

Под трансфером в лингвистике принято понимать «перенос некоторого знака как элемента некоторой знаковой структуры и как потенциала формы и функции в состав другого знака в качестве элемента другой знаковой структуры» [Демьянков, 2017, с. 115]. Как и любой культурный трансфер, текстовые заимствования рассматриваются с точки зрения их «встраивания в новую культурную систему с учётом возможной трансформации в процессе реализации трансфера» [Лобачёва, 2010, с. 25]. Все разновидности текстов являются семиотическими объектами и могут подвергаться лингвистическому анализу.

Значимым при изучении межкультурных трансферов текстов является аспект описания динамики межкультурных трансферов (обмена инокультурными элементами), которые могут протекать как в пространстве (взаимообмен разных стран своими культурными достижениями), так и во времени (передача элементов хронологически более ранних культур последующими культурами). Образцами текстов культуры, которые демонстрируют оба вида динамических изменений, можно считать басни древнегреческого философа и поэта Эзопа: они осваивались мировой художественной культурой на протяжении нескольких веков и имеют текстовое продолжение и варианты во многих других культурах (греческой, русской, английской, французской, итальянской, китайской, японской и др.).

В современной Греции Эзоп является одним из самых популярных авторов. Его басни регулярно издаются как для взрослых читателей, так и в переложениях для детей. В России и современной Западной Европе фигура Эзопа и его тексты также представляют художественный и научный интерес. В 2002 году была опубликована книга Н. Хольцберга «The Ancient Fable: An Introduction», в которой учёный, рассматривает басню как жанр, имеющий общее мировое значение.

Преемником басенной традиции в русской культуре по праву считается текстовое наследие русского писателя XIX в. И.А. Крылова, которое входит в число прецедентных произведений русской культуры и может быть охарактеризовано как «удачная интерпретация» [Демьянков, 1999; Киосе, 2018] текстов Эзопа. В то же время в истории мировой художественной культуры, в том числе и российской, существовало немало иных вариантов адаптации и переложения произведений древнегреческого баснописца, не все из которых оказались удачными адаптациями и не являются широко известными читателю.

Культурно значимыми адаптациями являются такие, которые закреплены в культуре в виде текстов и представляют вторичный взгляд на авторский текст. Под вторичным текстом понимается «текст, созданный на базе другого текста и сохраняющий его основное содержание» [Матвеева, 2010, с. 62]. При этом вторичный текст передаёт содержание текста основы приблизительно, что

находит отражение в таких понятиях как «сходство / различие, упрощение / усложнение, преобразование / трансформация и др.» [Ионова, 2006, с. 156].

В процессе культурной адаптации тексты неизбежно претерпевают трансформации, связанные с новыми авторскими интерпретациями произведения. В современной науке сложилось понимание процесса интерпретации как когнитивного процесса и одновременно результата в установлении смысла речевых и неречевых действий [Демьянков, 1999, с. 9]. Таким образом, интерпретация включает в себя подробный анализ всех факторов, влияющих на переводимый текст. Когда акцент смещается на адресата, получающего сообщение, учёные говорят о таком процессе, как адаптация, который понимается как приспособление текста к условиям его функционирования. Цель адаптации – не просто перевести литературный текст, но приспособить его к историко-культурным реалиям адресата. Специфика процесса адаптации заключается в том, что при адаптации создается такое сообщение, которое ориентировано на определённого адресата, его знания в той области, к которой относится сообщение, его языковую, лингвистическую, культурологическую компетенцию, психофизиологические особенности» [Первухина, 2014].

Тексты баснописца Эзопа как объект межкультурных трансферов. В разделах 6 - 8 первой главы рассматриваются межкультурные трансферы литературного текста, в том числе басенного наследие древнегреческого философа и поэта Эзопа. По мнению учёных, в сферу изучения межкультурных трансферов должны включаться не только сами культурные элементы, заимствованные в процессе межкультурной коммуникации, но и их встраивание в новую культурную систему с учётом возможной трансформации в процессе реализации трансфера.

Произведения Эзопа, являясь межкультурными прецедентами, прошли многообразные пути языковых трансформаций:

1) преобразованы из устной фольклорной формы в тексты письменной реализации с утратой первых оригинальных текстов (официальным на протяжении веков считался труд Деметрия);

2) подверглись внутреннему переводу древнегреческих текстов на два варианта греческого языка – касаревуса и новогреческой димотики (поздняя греческая версия Бабрия считается неполной рукописью басен Эзопа);

3) переведены с древнегреческого и новогреческого языков на русский и другие европейские языки: латынь (баснописца Ромула – ранняя версия прозы Эзопа; Габриэля Фаэрно – басни в стихах 1564 г.); немецкий (перевод Герхарда фон Миндена басен Ромула на средне-нижненемецкий стих 1370 г.), французский

(Евстах Дешам перевод на средневековой французской язык, XIV в.), польский, испанский, чешский и др.;

4) преобразованы в форму новых жанров (например: средне шотландского ямбического стиха по Генрисон, 1480 г.; французских моральных баллад XIV в.; рифмованного королевскими строфами текста Дж. Лидгейта XV в. и др.).

В результате изучения теоретической литературы по теме исследования нами были выделены типы преобразований текстов, значимых для изучения способов их межкультурной адаптации: *межкодовые преобразования (перевод); семантическая интерпретация; стилистические преобразования; лингвокультурная интерпретация; жанровая трансформация, структурно-композиционные изменения.*

В качестве конечного начального и конечного этапов исследования процесса лингвокультурных трансформаций текстов в процессе межкультурных трансферов мы определяем совокупности басен Эзопа как части греческой художественной культуры и совокупности басен И.А. Крылова как части русской художественной культуры с учётом промежуточных преобразований текстов в разных культурах. Исследовательская задача в данной работе состояла в том, чтобы проследить пути преобразования исходных текстов и выявить траекторию формирования их наиболее приемлемых вариантов в русской культуре. Для этого были проанализированы все виды преобразований, которые прошли первоначальные варианты текстов Эзопа, заимствованные русской и другими культурами.

Глава 2 «Виды преобразований текстов в процессе их межкультурной адаптации». Если говорить о характере отношений между оригиналом и его вариантами как первичным и вторичным текстом, то о них можно судить по трем уровням, связывающим два текста: генетическом (первичное рождает вторичное); хронологическом (установление хронологически первичного и вторичного); онтологический (бытийность первичного и вторичного взаимообусловлены). Эзопа изучались на основе имеющихся современных печатных источников. В данной главе в качестве исходных текстов рассматривались оригинальные басни Эзопа на древнегреческом языке, для сопоставления их с русскими текстами использовались также их переводы М. А. Гаспаровым и И.А. Крыловым.

2.1. Направления межкультурной адаптации басенных текстов. В качестве заимствующих культур выступали такие культуры, в художественном наследии которых имеются наиболее значимые интерпретации исходных текстов, а именно: немецкая, французская, английская, русская культуры. Учет этих культур в проводимом анализе определялся возможными заимствованиями русских текстов из разных культур.

В результате изучения теоретической литературы по теме исследования выделены типы преобразований текстов, значимых для изучения способов их межкультурной адаптации и отражающие формальный, содержательный и функциональный аспекты исследования. В работе они объединены в следующие группы: 1) межкодовые преобразования (перевод текстов); 2) концептуальное преобразование (семантическая интерпретация художественных образов и сюжетов, аллегоричность, ценностные доминанты, лингвокультурная интерпретация); 3) жанровые преобразования (прозаический и стихотворный тексты, включающие стилистические, структурно-композиционные преобразования, увеличение / уменьшение объёма исходного текста).

2.2. Межкодовые преобразования текстов.

В рамках данного параграфа рассмотрены тексты на древнегреческом и новогреческом языках, их дословный перевод и переводы М. Л. Гаспарова. Решение переводческой задачи познакомить читателя с иноязычным текстом, создав его максимально эквивалентный вариант неизбежно приводит к трансформациям оригинала на уровне языкового кода, связанные с несовпадением грамматического строя языков и влекущие за собой содержательные трансформации. Например, в русском языке в составе именного сказуемого именная часть обычно стоит в творительном падеже (также возможна в именительном), в то время как в греческом – только в именительном: *Ἦταν ἕνας ἀστρονόμος* – Он был астроном; *Ἦταν μὴ νυφίτσα* – Она была невестушка; *Ἦταν ἕνας γεωργός* – Он был крестьянин. Однако в этом случае переводчику недостаточно заменить именительный падеж именной части сказуемого творительным. В древнегреческом языке к такой конструкции при помощи союза *που* присоединяется придаточная часть предложения, содержащая предикат. Таким образом, значительная часть басен начинается с конструкции «*Ἦταν... που...*», что можно перевести как «Это был кто-то..., кто [предикат]...». Такие сложноподчинённые предложения с придаточным определительным при переводе заменяются простыми, в которых после названного субъекта сразу следует предикат: *Ἦταν ἕνας ἀστρονόμος που εἶχε συνήθεια νὰ βγαίνει ἔξω κάθε βράδυ καὶ νὰ παρατηρεῖ τὰ ἀστέρια* - он был звездочет, который каждую ночь выходил на улицу и наблюдал за звёздами (перевод наш - М.Н.), один звездочет имел обыкновение каждый вечер выходить из дому и смотреть на звезды (перевод М.А. Гаспарова). *Ἦταν μὴ νυφίτσα που ἐρωτεύτηκε κάποιον ὀμορφοῦ νεαρό καὶ προσευχήθηκε στὴν Ἀφροδίτη* - она была невестушка, которая влюбилась в красивого молодого человека и молилась Афродите (перевод наш – М.Н.), невестушка влюбилась в прекрасного юношу и взмолилась к Афродите (перевод М.А. Гаспарова).

В данном разделе в качестве текста-источника для анализа взяты буквальные прозаические переводы оригинальных басен Эзопа М.А. Гаспаровым. Для того, чтобы определить, на какой из существующих вариантов басни опирались последующие переводчики, рассмотрены и другие античные варианты басен, в частности Федра (в переводе М.А. Гаспарова и Н.И. Шатерникова) и Бабрия (в переводе М.А. Гаспарова). Как образец западноевропейской басни взяты варианты Лафонтена (в словарном переводе М.А. Николаиди). Среди русских вариантов басни были рассмотрены тексты И.А. Крылова, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, Л.Н. Толстого, В.А. Алексеева, И.И. Хемницера, В.А. Озерова, Ю.А. Нелединского-Мелецкого. Переводы И.А. Крылова, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, В.А. Алексеева, И.И. Хемницера, В.А. Озерова, Ю.А. Нелединского-Мелецкого приближались к литературным адаптациям, в то время как переводы М.А. Гаспарова и Л.Н. Толстого были прямыми переводами текстов. Учитывались исторические данные, согласно которым И.А. Крыловым производились переводы басенных текстов Лафонтена с французского языка, а в 1818 году баснописец начал изучение древнегреческого языка, чтобы читать текста Гомера и Эзопа в оригинале.

При исследовании басенного наследия И.А. Крылова выявлены все виды текстовых преобразований, которые в данной работе рассматриваются как деятельность по культурной адаптации произведений Эзопа с учетом их вариантов в других культурах.

2.3. Концептуальная трансформация содержания.

Многообразие способов адаптации литературного текста обуславливает разные модели его встраиванию в чужую культуру. При трансферизации эзоповских текстов в русскую литературу И.А. Крылов прибегает к концептуальному переосмыслению, которое проявилось в виде преобразования элементов понятийного, ценностного и образного содержания текстов.

Это проявилось в замене ряда лексем текстов-источников, которые обусловлены необходимостью актуализации культурно значимых обозначений:

- географических реалий: обозначение местности, предметов растительного и животного мира: в басне И.А. Крылова «Дуб и тростник» Дуб в своей речи упоминает воробья («Воробей, и тот тебе тяжёл»), в то время как в басне Лафонтена вместо Воробья речь идёт о Корольке (Roitelet) – прототипа птицы во Франции);

- реалии общественно-политического характера – территориально-административные единицы, сословия, военные реалии: старик» из басни Эзопа «Старик и смерть» в переводе Лафонтена становится лесорубом («Bucheron»), а в переводе И.А. Крылова – крестьянином, что придаёт отвлечённо-

нравственному характеру басни Эзопа острое социальное звучание; в басне «Крестьянин и смерть» национально-маркированным признаком общественной жизни является упоминание видов налогов, которые вынужден платить крестьянин: *подушное, боярщина, оброк*, что позволяют читателю без труда угадывать место действия, которое в басне И.А. Крылова не обозначено;

- закреплённые в сознании носителей языка коннотации – несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности: в басне Эзопа «Ворон и лисица» персонаж Ворон – мужского пола, в басне И.А. Крылова он становится Вороной. Это связано с тем, что в русском языке ворона, помимо своего прямого значения, имеет и переносное, разговорное – ‘зевака, ротозей’ [Ожегов, 1999: 89]. Ворона в сознании русского человека имеет устойчивые ассоциации с рассеянным человеком, который постоянно упускает что-то важное (о чём свидетельствует и наличие в языке глагола *проворонить* в значении ‘потерять из-за невнимательности’).

Это касается и многих других персонажей и басен. Например, слово *лиса* в русском языке, помимо своего основного значения, имеет переносное значение ‘хитрый, лживый человек’ [Ожегов, 1999: 216]. Использование этого обозначения в баснях И.А. Крылова имеет несколько лингвистических причин: а) в русском языке слово *лиса* является немаркированным по полу; б) оно обозначает необходимые автору качества человека; в) коннотация подкрепляется и литературным наследием, фольклором русского народа (*Лиса Патрикеевна* – персонаж русских народных сказок, олицетворяющий собой хитрого, коварного, изворотливого человека, обманом и лестью получающего то, что ему нужно). Таким образом, одно только название басни И.А. Крылова «Ворона и Лисица» для русскоязычного человека свидетельствует о том, что в тексте речь пойдёт о том, как хитрая Лиса обманула невнимательную Ворону.

Замена одних языковых единиц исходного текста другими может быть вызвана и экстралингвистическими причинами. Экстралингвистические факторы, вызывающие замену одних слов другими, являются необходимым элементом при адаптации текста, так как историко-культурные реалии чужой страны заменяются реалиями, близкими русскому читателю. Иногда такие замены не требуются, так как названные в оригинальном тексте предметы и явления считаются достоянием мировой культуры и понятны читателю, вне зависимости от его родного языка и страны.

Особенности интерпретации И.А. Крыловым басен Эзопа проявляются на уровне аллегории, иносказания и нравоучения. В баснях И.А. Крылова в большей степени выражен социальный аспект, актуальный для России конца XVIII –

начала XIX века. Например, баснописец нередко акцентирует внимание на социальном неравенстве персонажей, осуждая злоупотребление властью и сочувствуя слабым и беззащитным.

Образ Льва в текстах Эзопа воплощает собой могучую, однако справедливую и разумную силу: лев отпускает попавшиеся в его лапы мышь, которая обещает отблагодарить его. Несмотря на то, что Лев не верит ей, он тем не менее проявляет великодушие и не наказывает её: *Лев, расхохотавшись, отпустил ее*. Таким образом, Эзоп интерпретирует образ льва не как символ власти, а как воплощение разумной силы.

Иначе интерпретирует этот образ Бабрий, добавляя социальный подтекст. Баснописец рассказывает читателю о том, что мышь – это его законная добыча. Мышь не просто рассказывает льву о пользе, которую она в дальнейшем может ему принести, но взывает к его самолюбию и тщеславию и называет себя слишком недостойной для такого сильного зверя добычей: *Охотой на оленей и быков тучных / Тебе, о Лев, пристало утолять голод*. Таким образом, вместо оппозиции «сильный-слабый» Бабрий выводит гораздо более сложное противопоставление «сильный и тщеславный – бедный и изворотливый».

Образ льва в текстах Лафонтена получает благородное звучание: баснописец объясняет мотивацию поступка льва, считая то, что он отпустил мышь, проявлением его врождённого благородства и доброты. Таким образом, сила и власть в текстах Лафонтена связаны с достоинством и справедливостью.

Совсем иначе интерпретирует этот образ И.А. Крылов. У русского баснописца Лев предстаёт не только могучим, но и грозным, высокомерным и даже жестоким персонажем. Он не только не разрешает Мыши поселиться рядом с ним, но и с гневом прогоняет её, угрожая расправой: *За эти дерзкие слова / Ты стоишь смерти в наказанье / Прочь, прочь отсель, пока жива / Иль твоего не будет праху*. Таким образом, в интерпретации И.А. Крылова концептуализация содержания акцентирует иной смысл: сила представляет угрозу.

Результаты проведенного анализа материала показали, что межкультурные расхождения в текстах баснописцев – представителей разных культур демонстрируют различные траектории концептуализации содержания:

- *концепты и образы текстов древнегреческой культуры > русской культуры;*
- *концепты и образы текстов древнеримской культуры > западноевропейской культуры > русской культуры.*

В истории культуры указанные басенные образы отражали культурно значимое содержание, а потому при межкультурных трансферах могли сохраняться или отвергаться принимающей культурой. Так, западноевропейская басенная традиция, основанная на переводах латинских текстов Федра, наследует басенной традиции Эзопа и акцентирует внимание читателя на

вневременных и интеркультурных аспектах содержания и морали. Источники басен, основанные на древнегреческом переводе Бабрия, добавляют басенным текстам социальный контекст, вводя значимые социальные оппозиции «богатый-бедный», «имеющий власть – вынужденный приспособляться к тем, кто её имеет». Тексты русских переводчиков и баснописцев в большинстве случаев, опираясь на западноевропейский вариант, широко известный среди читателей, сохраняют основное концептуальное содержание оригинала, при этом переосмысливая его и вводя российские историко-культурные реалии. В баснях И.А. Крылова отмечается концептуальная реинтерпретация образов западноевропейской литературы и нередко возврат к образам греческой литературы. Благодаря этому басня перестаёт восприниматься как перевод древнегреческого или французского текста и становится принадлежностью русской культуры.

2.4. Жанровые преобразования

Жанр как «типическое целое художественного высказывания, притом существенное целое, целое завершённое и разрешённое» [Бахтин, 2002, с. 314]. слагается из трех компонентов: тематического содержания, стиля, композиционной завершенности. В системе литературных жанров басня – это «малый повествовательный (эпический) жанр – короткий рассказ в стихах или прозе с четко сформулированной моралью, сатирический по направленности, имеющий поучительный смысл» [Белокурова, 2006, с. 34]. Обязательными чертами басни являются её малый объём, дидактическая направленность и сатирическая составляющая.

Анализ текстов басен предполагает обращение к преобразованиям формы изложения (прозаическая – стихотворная), стилевым и композиционным преобразованиям.

Басни Эзопа в их письменном воплощении имеют прозаическую форму, в то время как уже первые их переложения были облечены в стихотворную форму. Ключевым звеном в процессе их заимствования в русскую культуру является перевод эзоповых сюжетов Лафонтеном, так как на тексты французского баснописца опирался И.А. Крылов [Травников, 2007, с. 7]. Несмотря на то, что русский баснописец заимствовал уже трансформированные тексты Эзопа, то есть прошедшие путь культурного трансфера из греческой культуры во французскую, мы можем говорить о том, что басни Лафонтена повлияли на форму крыловских переводов, в то время как их содержание и мораль близки эзоповым. Таким образом, и басни Лафонтена, и басни И.А. Крылова написаны в стихотворной форме, что обуславливает первую их особенность, сформулированную Ю.Н. Тыняновым как закон единства и тесноты стихового ряда, динамизация речевого материала, сукцессивность [Тынянов, 1924, с. 75].

Под единством стихового ряда понимается то, что каждая строка стихотворного текста воспринимается как замкнутая и законченная. Если же синтаксическое членение не совпадает со стиховым, семантико-синтаксические членения и связи перегруппировываются, чтобы создать иллюзию замкнутости; это и называется теснотой стихового ряда. Единство и теснота, взятые вместе, определяют повышенное внимание к каждому слову в тексте, это и называется динамизацией. Наконец, понятие сукцессивности связано с затруднённым восприятием стихотворного текста по отношению к прозаическому. Таким образом, ключевое отличие стихотворного текста от прозы заключается в том, что слово в стихотворном тексте выступает, с одной стороны, во всей полноте своих семантических значений, с другой стороны, оно оказывается тесно связано с рядом стоящими словами семантически и синтаксически. При наложении семантических полей друг на друга возникают новые смыслы. Соответственно, в стихотворном тексте слова приобретают большую смысловую выразительность, «текст, ощущаемый как речь повышенной важности, рассчитанная на запоминание и повторение» [Гаспаров, 2003, с. 7]. Запоминаемость стихотворного текста во многом обусловлена следующей его особенностью – ритмическим принципом организации, закономерной упорядоченностью звуковой формы. Стихотворная речь по сравнению с прозаической обладает большей выразительностью, экспрессивностью и легче запоминается. Последний пункт особенно важен для жанра басни, так как крыловские фразы, ставшие крылатыми, обязаны этим в том числе и своей ритмической, лаконичной форме.

Что касается композиционной структуры басенных текстов, оригинальные тексты Эзопа при заимствовании И.А. Крыловым подвергаются значительным изменениям. Это связано с расширением объёма исходного текста и перестановкой отдельных её фрагментов (чаще всего, морали басни).

Увеличение объёма заимствованного текста может достигаться тремя способами: распространение предиката / определения исходного текста (например, в баснях «Ворона и Лисица», «Лисица и Виноград»), развёртывание предиката в диалог (в баснях «Стрекоза и муравей», «Волк и ягнёнок», «Лягушки, просящие царя») и введением в текст дополнительной информации, отсутствующей в оригинале (рассуждение крестьянина о своей тяжёлой доле в басне «Крестьянин и смерть»). В большинстве случаев приёмы увеличения объёма текста, применяемые Крыловым, совпадают с приёмами Лафонтена, что подтверждает тот факт, что в формальной структуре своих переводов Крылов опирался на тексты Лафонтена. Особенно показательным это в басне «Крестьянин и смерть». В тексте Эзопа нет экспозиции, читатель ничего не знает о жизни главного героя, который желает смерти исключительно из-за тяжести ноши, с

которой он не может справиться. Лафонтен и Эзоп включают в тексты басен информацию о тяжёлой жизни героя (жена, дети, налоги), что, во-первых, позволяет читателю лучше понять его мотивацию (желание смерти не из-за сиюминутных трудностей, а из-за тяжёлой доли и неразрешимых проблем, не связанных с ношей), во-вторых, погружает в историко-культурный контекст, обращая внимание на тяжёлое положение крестьян. Таким образом, увеличение объёма исходного текста, стихотворная / прозаическая форма выражения, композиционные особенности, устойчивая форма способствует более простому восприятию и усвоению образности текста, ее национального колорита, а также получить закрепление в культуре в виде воспроизводимых текстов.

2.5. Лингвистические особенности межкультурной адаптации текстов в русской культуре

В пространстве русской культуры к басенному наследию обращались такие авторы, как И.А. Крылов, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский, Л.Н. Толстой, В.А. Алексеев, И.И. Хемницер, В.А. Озеров, Ю.А. Нелединский-Мелецкий. Источником для интерпретации в их творчестве становились басни Эзопа и их варианты в греческой, французской и русской культурах.

Так, басня Эзопа «Ворон и лисица» имеет различные интерпретации в русской культуре. Различия в сюжете мы прослеживаем уже в античных вариантах басни. У Эзопа Ворон добывает кусок мяса (в русской версии мясо сохраняется только у Л.Н. Толстого), в то время как у Федра и Бабрия вместо мяса Лисица отнимает у Ворона сыр, и именно этот вариант становится позднее наиболее популярным.

Интересную деталь в речь Лисицы добавляет Бабрий: если в баснях Эзопа и Федра Лисица, расхваливая Ворона, говорила о его красоте, то Бабрий строит речь Лисицы на лестном сравнении. Лисица сравнивает Ворона с царём птиц – Орлом, тем самым не просто возвеличивая его и называя царём птиц, но и отождествляя с гордой и могучей птицей, что, несомненно, крайне льстит Ворону. В результате он оказывается наказанным не за глупость, а за тщеславие.

Похожим образом формулируют мораль басни Эзоп и Бабрий: в их вариантах мораль формулирует Лисица, которая, заполучив сыр, говорит Ворону, что для царствования ему не хватает ума. Оба баснописца акцентируют своё внимание именно на глупости Ворона, с лёгкостью поверившего в обман.

Иначе формулирует мораль басни Федр (именно эта трактовка позднее была закреплена в басне И.В. Крылова): Лисица в его интерпретации не преподаёт Ворону нравственного урока, а лишь пользуется его легковерием. Мораль формулирует автор и порицает не столько глупость, сколько восприимчивость к лести: *Кто счастлив лестью, что в обманчивых словах, - / Потерпит кару он в раскаянии позднем.*

Лафонтен, интерпретирует мораль басни так же, как и Федр: в образе Лиса дается порицание лести. Важным является то, что в текстовом варианте Лафонтена Лис прибегает к совершенно иной стратегии, чем его античные предшественники. Если во всех античных вариантах Лисица старалась уязвить самолюбие Ворона, сокрушаясь по поводу того, что его голос не соответствует его внешности, то во французском варианте Лис, напротив, подпитывает самолюбие Ворона, высказывая уверенность в его прекрасном голосе: *Без вранья, если ваше пенье / Походит на ваше оперенье, / Тогда вы — феникс этих лесов.* Вывод из ситуации делает не только Лис, но и Ворон: *Ворон, пристыженный и сконфуженный / Поклялся, что больше так не попадется.* Басня Лафонтена является единственным вариантом, в котором автор даёт понять, что Ворон усвоил преподнесённый Лисом урок, что даёт читателю надежду на то, что глупый и падкий на лесть человек все же имеет шанс исправиться. Можно предположить, что, отталкиваясь от текста Лафонтена, И.А. Крылов подводит читателя к прямо противоположному выводу: падкий на лесть вряд ли сделает выводы из ситуации и по-прежнему будет становиться жертвой своего самолюбия: *Уж сколько раз твердили миру.*

Сравнивая между собой варианты басни русских баснописцев и переводчиков, мы видим следующее: А. П. Сумароков и В. К. Тредиаковский, стараясь следовать за оригиналом, порождают достаточно сложные для восприятия тексты. Язык написания басен А. П. Сумарокова и В. К. Тредиаковского изобилует книжной лексикой: *овладела, взираючи, чаю, подлинно, зрак, почтившу, глас, пристойну.* В тексте А. П. Сумарокова возвышенная лексика в большинстве случаев встречается в речи Лисицы и соседствует с разговорной лексикой и диминутивами: *Какия ноженьки! какой носок! Какия перушки!* Заметим, однако, что некоторые из этих диминутивов заимствовал И.А. Крылов: *Какие перушки! Какой носок!* По сравнению с вариантом В.К. Тредиаковского басня А.П. Сумарокова написана более живым языком, в стиле, более близком простому читателю. Помимо книжной лексики автор активно использует разговорную и просторечную лексику, с её помощью давая оценку действиям персонажей. Действия Лисицы описаны сочетанием *скалит зубы, разевает губы,* тем самым подчёркиваются ещё хищные и недобрые намерения. Такое описание Лисицы резко контрастирует с её речью, изобилующей словами с положительной оценкой: *прекрасная птица, добрая лисица.* Ворона в тексте А.П. Сумарокова прямо называется *дурой,* закономерно лишившийся добычи. Мораль басни, как в большинстве предшествующих вариантов, формулируется в финальной реплике Лисицы.

Л.Н. Толстой, переводя басни Эзопа, ставит своей целью не столько адаптировать текст к российским историко-культурным реалиям, сколько

максимально точно передать содержание и мораль оригинальной басни, сохранив её форму, структуру и стиль написания. По этой причине его басня написана прозой, а текст практически лишён средств художественной выразительности. Можно отметить лишь редко употребление разговорной лексики: *заорал что было мочи, коли бы еще у тебя и ум был.*

Интересным представляется вариант В.А. Алексеева, так как в нём можно проследить следы разных вариантов басен, в том числе указанных авторов. Как и оригинальный текст, его басня написана прозой, с сохранением оригинальной структуры: зачин – диалог – сформулированная лисицей мораль – авторская мораль. С одной стороны, басня у него является максимально обобщённой и лишённой ярких лингвистических средств; с другой стороны, В.А. Алексеев заимствует некоторые наиболее характерные лексемы у И.А. Крылова: называет Лисицу плутовкой (отметим, что ни в одной другом варианте Лисице не давалось оценочной характеристики посредством ее номинации) и использует фразу *каркнул во всё воронье горло*, использует народный фразеологизм *попасться на удочку*. Кардинально отличается мораль басни В.А. Алексеева: он не столько порицает глупость или тщеславие, сколько предупреждает читателя о том, что нельзя верить врагам. Это наглядно демонстрирует нам, как по-разному может быть понят и проинтерпретировать один и тот же текст даже при точном сохранении фабулы и системы аллегорических персонажей.

2.6. Модели адаптации инокультурного текста.

В результате анализа фактического материала были выявлены виды преобразований, которые предпринимают авторы при адаптации текстов. Каждый из них отражает отдельный вид текстовой деятельности автора, который отражает шаг адаптации – акт лингвистического преобразования исходного текста в соответствии с целями автора.

В результате анализа фактического материала в диссертации в качестве шагов адаптации выделены следующие:

- 1) выбор текста первоисточника (ВТП);
- 2) перевод (П);
- 3) лингвокультурная интерпретация (ЛКИ);
- 4) семантическая интерпретация (СМИ);
- 5) стилистическая интерпретация (СТИ);
- 6) жанровая трансформация (ЖТ);
- 7) увеличение объёма исходного текста (УВО);
- 8) уменьшение объёма исходного текста (УМО);
- 9) перестановка отдельных фрагментов исходного текста (ПФ).

Совокупность этих шагов адаптации, используемых авторами в своих произведениях выстраивается в особую траекторию, которую, мы называем

моделью адаптации инокультурного текста. На основании проанализированных басен, можно выделить следующие модели адаптации первичного текста, которые характерны для текстовой деятельности рассмотренных нами авторов:

Таблица 1.

Модели трансформации басенных текстов Эзопа в русской культуре

Автор	Модель трансформации текстов
М.Л. Гаспаров	ВТП → П
Л.Н. Толстой	ВТП → П → УМО ВТП → П → СМИ ВТП → П → УВО
А. П. Сумароков, В.К. Тредиаковский	ВТП → П → ЖТ → СТИ
В.А. Алексеев, И.И. Хемницер, В.А. Озеров, Ю.А. Нелединский- Мелецкий	ВТП → П → ЖТ → СМИ → СТИ → ЛКИ ВТП → П → ЖТ → СМИ → УВО → ЛКИ → СТИ
И.А. Крылов	ВТП → П → ЖТ → СМИ → УВО → ЛКИ → СТИ → ПФ

Анализируя межкультурные соответствия литературной обработки классического сюжета, можно проследить, как трансформируется античная басня Эзопа, в зависимости от исторического и национально самобытного содержания, отражающего авторскую концепцию мира и личности автора, вводящего его произведения в иную культуру. Обобщая анализ материала, отметим, что выделенные модели неоднородны, они включают в себя множество шагов адаптации текстов, которые были выявлены на основе значимых преобразований исходного текста при его многообразных интерпретациях.

Шаги адаптации, которые использует И.А. Крылов, разнообразны. Они всегда включают в себя развертывание концептуально важных элементов текста, увеличение объёма исходной басни за счет введения диалога, сравнения, аналогии; перестановку фрагментов текста; адаптацию к историко-культурным российским реалиям; замену стилистически нейтральных единиц оригинального текста разговорными и просторечными словами русского языка: И.А. Крылов в своих текстах использует фразеологизмы, пословицы и поговорки, что делает его басни максимально близкими и понятными читателю. В некоторых случаях

Крылов прибегает и к сюжетным интерпретациям, совершенно иначе представляя персонажей и формулируя авторскую мораль (как, например, в баснях «Лев и мышь» и «Лев и комар»).

Заключение. Благодаря многообразию приёмов, которые И.А. Крылов использует при заимствовании текстов Эзопа, глубокому анализу басенного наследия древнегреческого автора и вариантов его интерпретации в текстах других авторов, И.А. Крыловым достигается культурно ориентированная интерпретация содержания используемых источников на разных уровнях его текстов: замене историко-культурных реалий, не соответствующих ценностям русской культуры, концептуальному переосмыслению содержания образов, их оценке с учетом культурных коннотаций. Он разрабатывает жанровую форму басни: утверждает стихотворную форму, устоявшуюся структуру текстов, очевидную выделенность композиционных частей, стиливую доступность языка его произведений. В совокупности предпринятые автором шаги стали основой популярности его басен, ее воспроизводимости, освоения содержания его образов широким адресатом. Басни И.А. Крылова стали прецедентными для русского читателя, а используемая им модель - наиболее эффективной моделью адаптации текстов мировой культуры в русскоязычной среде.

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Николаиди М.А. Особенности передачи греческого синтаксиса на русский язык в аспекте межкультурной адаптации басенных текстов Эзопа // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2021. № 125. – С. 118–124. (0,5 п.л.).

2. Николаиди М.А. Текстовые преобразования в процессе межкультурного трансфера (на примере басни Эзопа «Лев и мышь») // Вестник Башкирского университета, 2021. № 4. – С. 1080–1084. (0,6 п.л.).

3. Николаиди М.А. Басня Эзопа «Муравей и жук» и её варианты в античной, западноевропейской и русской культурах // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — Москва, 2022. № 1/2022. – С. 52–56. (0,5 п.л.).

4. Николаиди М. А. Развитие концепта «труд» в процессе межкультурной коммуникации // Современная коммуникативистика. – Москва, 2021. № 6 (55) / 2021. – С. 40–43. (0,3 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

5. Николаиди М.А. Способы выражения морали в баснях Эзопа и Крылова // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник статей VIII международной научно—практической конференции. – Калининград: РА Полиграфычъ, 2020. – С. 479—483. (0,5 п.л.).

6. Николаиди М.А. Направления инокультурного освоения текстов (на примере Эзопа и И.А. Крылова) // Горизонты русской русистики. Материалы международной научной конференции, посвящённой 90-летию юбилею академика В.Г. Костомарова. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 1040–1044. (0,2 п.л.).

7. Николаиди М.А. Особенности адаптации и интерпретации в процессе межкультурного трансфера (на примере басен Эзопа «Ворон и лисица» и И.А. Крылова «Ворона и лисица») // Terra Rusistica. Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов. — Псков: Псковский государственный университет, 2020. – С. 30–35. (0,6 п.л.).

8. Николаиди М.А. Российско-греческая аксиосфера: традиции единства // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник статей. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 59–64. (0,6 п.л.).

9. Николаиди М.А. Международная коммуникация посредством художественных текстов: к проблеме лингвистического описания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействия. Материалы Международной научно—практической конференции. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 293–297. (0,5 п.л.).

10. Николаиди М.А. Особенности интерпретации текста в процессе межкультурного трансфера (на примере басен Эзопа и И.А. Крылова) // Современные вызовы и актуальные проблемы науки, образования и производства: межотраслевые диспуты. Материалы XIV Международной научно-практической интернет-конференции. – Киев: Open Science Laboratory, 2021. – С. 278–288. (0,9 п.л.).

11. Николаиди М.А. Басенные тексты русской культуры: этапы становления прецедентности // В мире русского языка и русской культуры. Сборник статей X Международной студенческой научно-практической конференции. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 176–178. (0,2 п.л.).

12. Николаиди М.А. Национальная специфика русской басни (на примере басен И.А. Крылова) // Кирилло-Мефодиевские чтения. Сборник статей XXII Международной научно-практической конференции. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 381–387. (0,7 п.л.).